

О совместных синташтинских погребениях могильника Бестамак

ЛОГВИН АНДРЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Костанайский государственный университет (Костанай), Казахстан
e-mail: logvin_a@mail.ru

ШЕВНИНА И. В.

К теме совместных погребений в эпоху бронзы обращались многие исследователи, но на сегодняшний день многие аспекты этой сложной темы все еще остаются дискуссионными [Артамонов, 1934; Берсенева, 2015; Грязнов, 1957; Зданович, 1997; Клейн, 2013; Кузьмина, 1986; Рафикова, 2008, 2014; Сотникова, 2013 и др.]. Анализ погребальной обрядности синташтинских материалов могильника Бестамак позволил отметить некоторые наблюдения, касающиеся данной проблематики.

Памятник находится в северной части Тургайского прогиба, у самого истока реки Убаган, правого притока Тобола (Костанайская область, Северный Казахстан), у одноименного поселения. В целом могильник грунтовый, но исходя из наличия рвов вокруг некоторых погребений не исключено, что над ними, в древности была сооружена курганная насыпь, не сохранившаяся в силу особенностей песчаного грунта. Исследования на Бестамаке проводились Тургайской археологической экспедицией в течение 11 полевых сезонов (1991–1993; 1997; 2002; 2005–2008; 2011; 2013). За весь период раскопок вскрыто более 9 000 кв.м., изучено 183 могильных ямы и ритуальных сооружения. Могильник у поселения Бестамак первый и пока единственный памятник на территории Казахстана, материалы которого датируются от энеолита до эпохи средневековья включительно. Большая часть погребений и жертвенников некрополя относится ко II тыс. до н.э.

Из сорока трех синташтинских погребений только девять не являются одиночными. Из них шесть двойных погребений (№ 5, 8, 24, 25, 45, 170) и три групповых - два тройных (№ 12, 20) и одно коллективное (№ 104).

Парные погребения.

В захоронении № 5 погребенные лежали в слабо скорченном положении лицом друг к другу, головой на запад (рис. 1, 6). Костяк мужчины* 18-20 лет, лежит на левом боку, женский костяк 8-10 лет на правом. Кисть правой руки мужчины прикрывает кисть левой руки женщины. В изголовье усопших были размещены восемь сосудов и кремневые наконечники стрел. Рядом с левой рукой мужчины найдена каменная крестовидная булава, бронзовая бляшка, в области шеи отмечены пастовые бусины. С мужским костяком, вероятно, связаны бронзовый нож в сосуде. У женского черепа лежал топор-тесло. На левой стороне черепа найдена плакированная золотом подвеска в 1,5 оборота, а чуть ниже остатки ожерелья из халцедоновой бусины, костяной пронизки, кусочка бирюзы с просверленным отверстием, бронзовых и пастовых бусин. У основания черепа находился наконечник. На левой руке усопшей был найден пластинчатый выпукло-вогнутый браслет, у щиколоток обнаружена низка бронзовых бусин. За спиной погребенной зафиксирован развал сосуда, ножичек, бронзовая проволока и остатки деревянного предмета [Калиева, Логвин, 2008, с. 49-50].

В захоронении № 24 были зафиксированы останки двух погребенных, пол и возраст которых определить не удалось. По связанному с погребенными инвентарю представляется возможным предположить с достаточной долей уверенности, что левый костяк, принадлежал мужчине, а правый – женщине (рис. 1, 4). Особенностью этого погребения является положение усопших. Мужчина был положен на левый бок головой на запад. Голова лежавшей на правом боку женщины располагалась на его груди, у подбородка. Ее левая рука размещалась поверх туловища мужчины. За спиной мужского костяка были найдены каменный пест и вислообушный топор с бойком на обухе, а у лобной части черепа – тесло-топор и нож. На руках женского костяка обнаружено по браслету, на кисти левой руки четыре кольца. Рядом найдены бронзовые изделия: две подвески в 1,5 оборота, гвоздь, гривна, три вогнуто-выпуклые бляшки и каменные бусины. В районе спины находилось накосное украшение. В области щиколоток женского костяка были найдены две низки из бронзовых бусин [Логвин, Колбин, 1992, с. 102-106].

Еще одно парное погребение обнаружено в яме № 25. Левый, предположительно мужской костяк, находился в слабо скорченном положении на левом боку (из-за плохой сохранности костяка пол и возраст усопшего не установлен). Женщина 25-30 лет лежала на правом боку. Судя по положению костей, руки мужчины скорее всего держали руки женщины. На левой руке женского костяка найден бронзовый браслет, в области шеи – низка из пастовых, костяных, каменной бусин и костяных пронизок. На левой стороне черепа обнаружена плакированная золотом подвеска в 1,5 оборота, за спиной женщины накосное украшение [Логвин, Колбин, 1992, с. 64-68].

В погребении № 45 оба погребенных были положены головой на северо-запад лицом друг к другу. Левый костяк принадлежал мужчине 20-25 лет, лежавшему на левом боку, правый – женщине 16-18 лет, уложенной на правый бок. В районе затылка мужчины обнаружен пест, рядом найдены остатки двух бронзовых браслетов, бронзовая пластинка, два клыка собаки, каменные поделка, бусина и диск. В головах погребенных обнаружен развал сосуда. Рядом лежали бронзовый гвоздик, слиточек и нож. Четыре сосуда стояли за головой женщины. У восточной стенки найдены кремневые наконечники стрел и бронзовая пластина [Логвин, Калиева, 1994, с. 16-18].

На дне могилы № 8 были обнаружены костяки женщин 30-35 лет (южный костяк) и 10-12 лет (северный костяк), которые лежали в скорченном положении на левом боку, головой на северо-запад (рис. 1, 2). У черепа южного костяка помещен сосуд. На правой руке были найдены бронзовый браслет и клык собаки. У кисти лежали друг на друге две бронзовые нашивные бляшки. На левой руке два бронзовых браслета, между концами одного из них отмечен пучок из пяти клыков лисицы. На черепе и под ним лежало по бронзовой, плакированной золотом, подвески в 1,5 оборота. В области шеи – низка из пастовых бусин и костяных пронизок. На щиколотке правой ноги была найдена низка из бронзовых бусин и костяных пронизок. Между черепами обнаружены остатки бересты, бронзовые шило и игла, куски металла, по одному клыку собаки и волка, зуб лошади. Рядом лежал маленький нож. В головах второго костяка стояли два сосуда, третий сосуд помещен у лица. На черепе обнаружен фрагмент подвески в 1,5 оборота. Под черепом найдены обломки бронзовых обоймочек. У шеи зафиксирована низка пастовых бусин и костяная пронизь, на левой руке браслет. У локтя правой руки найдено шило и бронзовые гвоздик и нож, куски медной руды, тальковый камень [Калиева, Логвин, 2008, с. 50-54].

В погребении № 170 зафиксировано погребение мужчины 30-35 лет и новорожден-

ного ребенка (около 2 месяцев). Мужчина, был размещен на левом боку, головой на юго-запад, ребенок у него в ногах головой на северо-восток (рис. 1, 1). В головах мужчины стоял сосуд, за спиной находился вислообушный топор, под правой рукой найден нож, в ногах лежал бронзовый крюк. В западном углу ямы обнаружены каменные наконечники. У западной стенки найдены бронзовые серп, игла, долото, шило и слитки бронзы; каменные пест, терочник, наконечник; обломок рогового стержня сайги. Рядом с ребенком лежал топор-тесло, недалеко от которого стоял сосуд [Логвин, Шевнина, 2011, с. 349-359].

Групповые погребения.

Погребение № 20 сильно потревожено, можно лишь отметить, что по сохранившимся костям антропологически определяется три индивида, из которых один индивид не поддается определению, одна женщина (возраст не установлен) и ребенок [Калиева, Логвин, 2012, с. 77-83].

В тройном захоронении № 12 все погребенные лежали на левом боку в слабо-скорченном положении, головой на запад (рис. 1, 3). По краям были погребены взрослые, а между ними — ребенок. Левый костяк принадлежал предположительно мужчине 20-25 лет. В головах его стояли два сосуда. Рядом находились бронзовый нож и проколка. На руках были надеты бронзовые браслеты. На правом плече найдена бронзовая бляшка. В области шеи — ожерелье из каменных и пастовых бусин. На черепе и под ним найдено по бронзовому колечку (височные подвески?), подвеске в 1,5 оборота (одна плакирована золотом) и бронзовые обоймочки. Пол и возраст ребенка и правого взрослого костяка не удалось установить, по инвентарю можно предположить женский пол. На правой стороне черепа ребенка лежало височное кольцо и подвеска в 1,5 оборота, а в области шеи россыпь каменных бусин. В головах правого взрослого костяка стояли два сосуда. Между ними найдены: бронзовая проколка, слитки бронзы и куски руды. У лица погребенного стоял сосуд. В области шеи найдены каменные бусины, на руках бронзовые браслеты. На правом запястье лежала бронзовая бляшка [Калиева, Логвин В., 2008, с. 54-55].

Единственное коллективное погребение могильника Бестамак это яма № 104 прямоугольной формы, с сильно закругленными углами (рис. 1, 5). Ориентирована яма по линии СЗ-ЮВ. Размеры ямы 3,1 м х 2,1 м, глубина 1,1 м. В юго-восточном углу был зафиксирован выступ длиной 0,3 м, шириной 0,4 м, глубиной 1,1 м. В яме было совершено групповое захоронение (кости от семи индивидуумов). Но при этом был зафиксирован лишь один череп человека возмужалого возраста в восточном углу ямы на глубине 0,9 м. Какой-либо системы в расположении погребенных определить не удалось, лишь в восточной части ямы, недалеко от черепа, были прослежены сочлененные фрагменты костей рук и ног человека. Все остальные кости фиксировались по территории погребальной камеры. Трое погребенных умерли в возрасте более 60 лет, трое до 40 лет, один в возрасте до 30 лет. Только для двух особей антропологу удалось определить мужской пол. По размерам костей можно предположить, что все остальные особи также были мужского пола. На глубине 0,8 м, у северо-восточной, восточной и юго-западной стен был зафиксирован древесный тлен, по-видимому, относящийся к облицовке стен погребальной камеры. Жертвенный комплекс представлен черепами и костями животных. В северо-западном углу ямы на глубине 0,3-0,8 м были обнаружены череп, челюсть лошади и два каменных песта. В юго-западной части ямы на глубине 0,3-0,5 м были также найдены челюсть и череп лошади. В северной части ямы на глубине 0,8 м находились челюсти лошади, череп, лицевой частью ориентированный на запад, и конечности барана. Радиоуглеродная датировку погребения представлена

в таблице 1.

Таблица 1 - Радиоуглеродная дата погребения 104

Образец Лаб. Индекс 14C Возраст BP CalYrs BC 2σ 95,4% Датируемый материал
Бестамак № 104 ГИН-13620 3600 ± 30 2032-1887 Кость

При анализе совместных погребений некрополя Бестамак были отмечены следующие черты.

- Относительно небольшое количество совместных погребений (9).
 - Из них выделены две группы – парные (двойные) и групповые (погребения в которых больше двух человек).
 - Фиксируется три варианта положения костяков двойных погребений. В четырех могилах погребенные размещены лицом друг к другу (№ 5, 24, 25, 45). В одном захоронении (№ 8) усопшие были уложены на один бок в позиции друг за другом. В яме № 170 костяки ориентированы по принципу антитезы (поза «валета»).
 - По признаку половой принадлежности также выделяется два варианта парных погребений: а) погребения, где усопшие разнополые, б) погребения, где усопшие одного пола.
 - Во всех разнополых парных погребениях мужчины и женщины лежат лицом друг к другу (№№ 5, 24, 25, 45). Одновременность этих погребений подтверждается в двух случаях положением костяков, например, положение руки мужчины на руке женщины в яме № 5, положение головы женщины на груди у мужчины в яме № 24.
 - Мужчины в разнополых парных погребениях лежат на левом боку, женщины на правом. В целом наблюдения по всем погребениям Бестамака позволяют заметить, что в одиночных погребениях на левом боку лежат как мужчины, так и женщины и дети. Видимо в семантическом отношении левая сторона была преимущественной. Тот факт, что женщины в разнополых погребениях лежат на правом боку может указывать на «подчиненное» положение женщины.
 - Парных погребений, где усопшие одного пола, всего два. В одном случае погребены лежавшие «валетом» взрослый мужчина и новорожденный ребенок, пол младенца определен условно, исходя из наличия рядом тесла (№ 170), в другом случае - женщины, лежавшей на левом боку (№ 8).
 - Накосники были зафиксированы только в парных разнополых погребениях. Среди других женских погребений Бестамака не было встречено ни одного накосника. Исключением является погребение четырехлетней девочки из ямы № 110. Но поскольку инвентарь данного погребения слишком «ярок» для ребенка (наличие наконечника копья, набор украшений), само погребение является «неким исключением». Наличие накосника видимо тоже нужно расценивать как явление исключительное [Шевнина, Ворошилова, 2009, с. 60-61].
- К групповым отнесены всего три погребения. В одном тройном погребении (№ 20) положение костяков установить не удалось, во втором тройном погребении (№ 12) все, независимо от пола и возраста, захоронены на левом боку.
- В погребении № 104 захоронено семь индивидов. Отметим, что при внешнем наблюдении принятого обряда, присутствует некий формализм, который выражается в отсутствии таких типичных элементов обряда, как горшки с поминальной пищей и сопроводительного инвентаря, кроме двух каменных пестов. Все семь индивидов предположительно мужчины их кости находятся в беспорядке (кроме одного костяка, зафиксированного возле «входа-ступеньки», частично сохранившего анатомическое положение. К данному костяку, судя по расположению, относится единственный, найденный в могильной яме череп). Интерпретировать данное погребение сложно, но отметим следующее: 1) нельзя не учитывать возможность

ограбления, но в таком случае трудно объяснить ненарушенность стратиграфии, отсутствие фрагментов керамики и какого-либо другого инвентаря в заполнении ямы, что является обычным явлением для ограбленных могил; 2) эти люди могли быть «чужаками» для бестамакской общины (военнопленные, рабы...), этим можно объяснить лишь видимое сохранение стандартного синташтинского погребального обряда; 3) нельзя исключать предположение, что в данном случае мы имеем дело с человеческим жертвоприношением. Отсутствие черепов может быть связано, например, с культом черепов, отражение которого исследователи неоднократно отмечали на андроновских могильниках [Аванесова, 2013, с. 21; Максименков; Молодин, 1984, с. 41; Усманова, Мерц, Колбина, Вентреска, 2006, с. 71-75 и др.]. По мнению И.А. Кукушкина и Е.А. Дмитриева, они выражаются, как в отдельной ингумации черепов, так и в погребении посткраниального скелета. В качестве примера приводятся не ограбленные погребения, в которых при не потревоженных костях отсутствуют черепа (могильник Каннатас, исследованный А.М. Оразбаевым). По мнению исследователей, черепа были изъяты с ритуальными целями до или после проведения погребальных церемоний [Кукушкин, Дмитриев, 2017, с. 11; Оразбаев, 1959, с. 67]; 4) хаотичное расположение костей в основной части могилы, при этом частичное анатомическое положение костяка у входа в могилу (напротив «ступеньки»), может указывать на использование данной ямы, как склепа, что характерно для погребального обряда эпохи бронзы Средней Азии [Хлопин, 2002, с. 43, 54].

Отметим, что все совместные погребения могильника Бестамак (кроме ямы № 104) могут быть связаны родственными отношениями. И, если сомнений в наличии «семейной» связи в отношении группы парных погребений, где мужчина и женщина лицом уложены друг к другу, практически не остается, то с остальными групповыми погребениями ситуация несколько иная. Тройное погребение № 12, где усопшие мужчина, женщина и ребенок лежат на одном боку вполне можно трактовать как семью. В однополых погребениях № 8 и № 170 усопшие также могли быть родственниками по отношению друг к другу (сестры, братья, отец и сын...). Каждое такое погребение в бестамакской общине могло быть связано с каким-либо печальным событием/происшествием в жизни отдельной семьи. В отношении ямы № 170 необходимо учитывать и версию о жертвоприношении ребенка, аргументация которой подробно представлена в другой нашей работе [Логвин, Шевнина, 2011, с. 358].

В целом, на могильнике Бестамак, наблюдается преобладание индивидуальных погребений над совместными (21%), что характерно для большинства синташтинских памятников (от 14 % до 45 % совместных погребений), за исключением кургана № 25 Большекараганского могильника (65%) и Каменный Амбар 5 (50%). [Епимахов, Берсенева, 2012, с. 155]. Отсутствие «стандарта» погребального обряда для совместных погребений (например, в положении костяков), какой мы видим в одиночных захоронениях, в сочетании с различным соотношением индивидуальных и совместных погребений на синташтинских памятниках наводят на мысль что вероятно, это время начала формирования данного обряда в синташтинском обществе. Уже в алакульскую эпоху ситуация, по крайней мере, с парными погребениями, иная. К примеру, Е.В. Куприянова отмечает, что «поза объятий» становится массовой формой обряда (до 93% из совместных) [Куприянова, 2009, с. 18-19]. Увеличение количества парных погребений в срубно-алакульскую эпоху отмечает и Я.В. Рафикова [Рафикова, 2014; Рафикова, 2015, с. 151].

В заключение отметим следующее наблюдение - часть одиночных погребений Бестамака, где умерший уложен на левый бок в левой части камеры, а в правой части

пустое «место-заготовка», может иметь семантическую нагрузку - «присутствия пары». В связи с этим нельзя не вспомнить Л.С. Клейна, который говоря о совместных погребениях индоарийцев описывает обряд «дикша», по которому жену либо умерщвляли, либо, как в Ригведе, «... вдова все-таки сперва ложилась с мужем в могилу, и ее оттуда выводили, отбирая, выпрашивая у покойного» (Клейн, 2013, с. 266-296).

*все антропологические определения выполнены А.В. Колбиной

Список источников и литературы:

- Аванесова Н.А. Бустонь VI – некрополь огнепоклонников доисторической Бактрии. – Самарканд, 2013. - 640 с.
- Артамонов М.И. Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками // Проблемы истории докапиталистических обществ. – Москва, 1934. - № 7?8. – С. 108-125
- Берсенева Н.А. «Семейные»(?) погребения синташтинской культуры (эпоха бронзы Южного Урала) // Казахское ханство в потоке истории. Сборник мат. межд. науч. конференции, посвященной 550-летию Казахского ханства. – Алматы, 2015. – С. 339-345
- Грязнов М.П. Этапы развития хозяйства скотоводческих племен Казахстана и Южной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения института этнографии. – Москва, 1957. - Вып. 26. – С. 21-28
- Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. - Челябинск: Челяб. гос. у-нт, 1997. - 93 с.
- Епимахов А. В., Берсенева Н. А. Вариативность погребальной практики синташтинского населения (поиск объяснительных моделей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 148–170
- Калиева С. С., Логвин В. Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2008. – Вып. 9. – С. 32–58.
- Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак. Материалы III Международной научной конференции. — Актобе: Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. — С. 77-83
- Клейн Л.С. Этногенез и археология: в 2 т. Т.1: Арии и *varia*. – Санкт-Петербург, 2013.- 528 с.
- Кузьмина Е.Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. - Фрунзе, 1986. - 134 с.
- Кукушкин И.А., Дмитриев Е.А. Семантика черепа в ритуалах андроновского населения// народы и религии Евразии. – Т.1. - № 10-11. – 2017. – с. 7-14
- Куприянова Е.В. Женский погребальный костюм эпохи средней – начала поздней бронзы Южного Зауралья и Казахстана (по материалам синташтинской, петровской и алакульской культур): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. - 21 с.
- Логвин В.Н., Колбин Г.В. раскопки могильника Бестамак //Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции на территории Кустанайской области в полевом сезоне 1991 года. Кустанай, 1992 // Архив ИА МОН РК, оп. 2, д. 2366.
- Логвин В.Н., Калиева Раскопки могильника Бестамак // Отчет о полевых исследованиях Тургайской археологической экспедиции в полевом сезоне 1993 года. Кустанай, 1994 // Архив ИА МОН РК, оп. 2, д. 2429.

- Логвин А.В., Шевнина И.В. Об одном синташтинском погребальном комплексе могильника Бестамак // *Материалы международной научной конференции «Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы»*, посвященной 20-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана КН МОН РК 12-15 декабря 2011 г., г. Алматы. – Алматы, 2011. – С. 349–359.
- Молодин В.И. Особенности погребального обряда детских захоронений андроновцев Барабинской лесостепи (по материалам могильника Преображенка III) // *Бронзовый век урало-Иртышского междуречья*. – Челябинск, 1984. – С. 37-44
- Оразбаев А.М. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана // *Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР*. – Т. 7. -1959. – С. 59 - 74
- Рафикова Я.В. Парные погребения срубно-алакульской контактной зоны Южного Зауралья // *Вестник Челяб.госун-та*. – 2008. – № 18 (119). – История. Вып. 25. – С. 5-11
- Рафикова Я. В. Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // *Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е. Е. Кузьминой*. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. – С. 228–243
- Рафикова Я.В. Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы Ташла-I в Башкирском Зауралье // *Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф.* – Челябинск, 2015. – С. 151-159
- Сотникова С.В. О семантике парных погребений андроновской эпохи // *народы и религии Евразии*. – Т.6. - № 6. – 2013. – с. 37-49
- Усманова Э.Р., Мерц В.К., Колбина А.В., Вентреска А. О некоторых сюжетах в «тексте» погребального обряда эпохи бронзы // *Изучение памятников археологии павлодарского Прииртышья*. – Павлодар, 2005. – С. 70-80
- Хлопин И.Н. Эпоха бронзы юго-западного Туркменистан. – Санкт-Петербург, 2002. – 334 с.
- Шевнина И.В., Ворошилова С.А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – С. 59-63.